

Тун Цинхэ, повинувшись своему внутреннему желанию, неловкими, несвязными движениями обхватил шею Цзян Шаочжи. Он весь, точно очаровательный кенгуру, прижался к Альфе, застряв в его объятиях и расшатывая его волю.

Цзян Шаочжи прижал его крепче, позволяя тереться о свою шею.

Они сели в машину. Цзян Шаочжи заблокировал и плотно закрыл все окна, выпустив слабые феромоны. Он позволил аромату сандала окутать Тун Цинхэ, даря ему успокоение и умиротворение.

Тун Цинхэ прижался кончиком носа к основанию уха Цзян Шаочжи. Его рука, покоившаяся на плече, медленно потянулась к другому, зажимая мочку уха Альфы между подушечками большого и указательного пальцев.

Ухо Цзян Шаочжи едва заметно дрогнуло, быстро заливаясь румянцем. Он опустил взгляд, наблюдая за действиями Омеги.

Альфа был невероятно снисходителен к своему партнеру. Чтобы Тун Цинхэ стало комфортнее, он слегка сменил позу, усадив своего Омегу целиком к себе на колени. Линии их тел на удивление идеально совпали.

Тун Цинхэ пробормотал:

— Дядя, ты так чудесно пахнешь, так ароматно.

С этими словами он поднял лицо. Взгляд был затуманен, а с его губ срывался сладкий, чистый аромат жасмина.

Феромоны, исходящие от Омеги, несмело коснулись губ Альфы, словно становясь катализатором влечения.

Цзян Шаочжи слегка наклонил голову. Их взгляды зацепились друг за друга, а губы едва соприкоснулись.

Капитан Цзян из отряда «Цюн Ци» искусен в тактике: он обладает смелостью атаковать врага напрямую, но не менее искусен и в стратегии заманивания. Цзян Шаочжи чуть отстранился. Однако исходящий от него аромат сандала стал из слабого насыщенным, приманивая Тун Цинхэ. Омега с покрасневшими глазами приоткрыл рот и потянулся следом, чтобы настигнуть его, жадно обмениваясь с ним дыханием и поцелуем.

В период частых приступов течки Омега совершенно не может сопротивляться феромонам Альфы и нуждается в его постоянном присутствии, чтобы получить утешение. Омеги с более хрупкой психикой, оставшись без своего Альфы или без феромонального утешения, могут, в худшем случае, столкнуться с нервным срывом, впасть в депрессию или безудержно плакать.

Хотя Тун Цинхэ не был тем хрупким Омегой, он впервые познал вкус течки и не имел опыта, чтобы справиться с этим состоянием, а потому не мог сам себя сдержать и успокоить.

С каждой новой волной вдыхаемых феромонов сандала Тун Цинхэ чувствовал облегчение. Дискомфорт в теле отступал, и между губ потянулась тонкая серебряная нить.

Он опустил голову, прижавшись лицом к шее Цзян Шаочжи. Слюна, которую он не успел смахнуть с уголка рта, смочила кожу на шее Альфы. Тун Цинхэ, перекаывая глаза, осмотрел мокрое место и вдруг улыбнулся, являя черты, не свойственные его обычному спокойствию — что-то озорное.

— Дядя, я испачкал тебя.

Он тихонько лежал в объятиях Цзян Шаочжи, позволяя своим жасминовым феромонам озорно и вместе с тем доверчиво виться вокруг Альфы.

— Здесь грязно, и там грязно, — он ткнул пальцем и принялся беспорядочно растирать. Чем больше он тёр, тем шире становилось мокрое, влажное пятно.

Цзян Шаочжи поймал шаловливый палец Тун Цинхэ:

— Шалун.

Тун Цинхэ ответил:

— Дядя, мне так нравятся твои феромоны.

Он все еще не умел управлять своими феромонами. Машина мгновенно наполнилась густым ароматом жасмина, отчего ему стало немного неловко. Выпуская феромоны перед своим Альфой, Омега часто преследует вполне конкретную цель. Феромоны не просто обладают успокаивающим действием, они также являются негласным афродизиаксом в отношениях между Альфой и Омегой — средством, которым регулируют атмосферу, чтобы соблазнить партнера.

Тун Цинхэ пока не осознал этой двусмысленности. Он просто чувствовал, что его неспособность контролировать феромоны, позволяя аромату безудержно выходить каждый раз, когда он сталкивался с Цзян Шаочжи, была чрезмерной и заставляла его пылать.

— Дядя, — Тун Цинхэ, опьяненный, принюхивался к Цзян Шаочжи. Из-за его движений одежда слегка задралась. Обе руки, сцепившись, повисли на одном плече Альфы. — Ты можешь научить меня контролировать феромоны?

Тун Цинхэ знал, что, помимо чтения книг, он был довольно медлителен в других аспектах. Он хотел учиться и, обратив к Цзян Шаочжи свои пунцовые щеки, серьезно повторил ту же фразу.

Взгляд Цзян Шаочжи переместился с его лица на обнаженную полоску белой талии. Его кадык с трудом дернулся вверх-вниз. Он позволил густому аромату сандала сплести сеть, плотно окутывающую Тун Цинхэ с головы до ног, словно это была нежная, ласкающая рука.

Низкий, спокойный голос остановился у уха Тун Цинхэ:

— Я научу тебя.

Цзян Шаочжи протянул руку, и подушечка его пальца скользнула по железе Тун Цинхэ:

— Она почти созрела.

Тун Цинхэ был чувствителен к щекотке и инстинктивно уклонился, но Цзян Шаочжи крепко удержал его.

Каждый Альфа и Омега способен контролировать свои феромоны. Сразу после наступления совершеннолетия им может быть сложно адаптироваться к подобным физиологическим изменениям, и они легко поддаются влиянию чужих запахов. Тун Цинхэ находился именно в такой ситуации. Если кто-то сможет должным образом направить его в этом, он научится контролировать феромоны, что в будущем избавит его от лишних страданий.

Цзян Шаочжи был невероятно терпелив. Он даже делал намеренные или случайные паузы, создавая «белые пятна», чтобы заставить своего маленького Омегу торопливо задавать вопросы, и видеть, как в его янтарных глазах ясно отражается его собственный образ.

Только когда феромоны почти рассеялись, Цзян Шаочжи опустил окно, позволяя внешнему ветру ворваться и развеять последние нотки аромата.

Бледный лунный свет струился по их волосам. В объятиях Альфы было тепло и так спокойно. Тун Цинхэ, с полузакрытыми от сна глазами, прижимался к нему, почти проваливаясь в сон.

Спустя мгновение Цзян Шаочжи, поглаживая его мягкую, пышную макушку, сказал:

— Я отнесу тебя наверх.

Тун Цинхэ не хотел покидать теплых, крепких объятий:

— Не хочу идти сам.

Цзян Шаочжи опустил взгляд и при свете фонаря обнаружил, что его маленький Омега прибежал босиком. Две ступни, спрятанные под сиденьем, прошли по политому саду. К ним прилипла мягкая, влажная грязь, которая, высохнув, образовала тонкий слой песка на подошвах и, разумеется, испачкала сиденье.

В конце концов, Цзян Шаочжи взвалил Тун Цинхэ на спину. Голова Омеги, лежащая на плече, слегка покачивалась в такт его шагам. Пышные мягкие волосы задевали суровые черты лица Альфы. Цзян Шаочжи то шел, то останавливался, и внезапно ему расхотелось отвезить Тун Цинхэ обратно.

Он захотел утешить его к себе.

В ванной комнате Цзян Шаочжи поднял Тун Цинхэ и усадил его на край раковины, принеся небольшой тазик с водой, чтобы вымыть ему ноги.

От чуть теплой воды ноги слегка покраснели. Тун Цинхэ попытался их отдернуть, но Альфа лишь крепче их сжал.

Даже его сестра и Цюцю не делали для него ничего столь интимного. Тун Цинхэ почувствовал, что иметь своего Альфу — это совсем другое: даже мытье ног не вызывает смущения.

Цзян Шаочжи сказал:

— Завтра я приду повидаться с твоей сестрой.

— А? — Его влажные пальцы сжались на предплечье Цзян Шаочжи. — Так быстро мы встретимся с семьей?

Он еще не был готов. Всего через пару дней после возвращения с планеты D1 им предстоит встретиться с семьями обеих сторон.

Цзян Шаочжи ответил:

— Не волнуйся. Наш брак — это обязательное распределение от Федерации, поэтому о семейных возражениях не может быть и речи. Стопроцентное совпадение феромонов — услышав такое, каждый будет тайком улыбаться.

Тун Цинхэ:

— Тогда... мне нужно встретиться с родителями дяди?

Цзян Шаочжи:

— Завтра я приведу их с собой. Обо всем остальном не беспокойся — предоставь это мне.

Тун Цинхэ все еще не понимал происходящего и растерянно спросил:

— Не слишком ли быстро все развивается?

Цзян Шаочжи поднял бровь:

— Быстро?

Тун Цинхэ никогда не был в отношениях. Его близкие друзья подтрунивали, что он умеет лишь зубрить и был «непробиваемым пнем». Он знал, что медлителен в других вещах. Услышав встречный вопрос Цзян Шаочжи, он тут же покачал головой:

— Все будет так, как решит дядя.

Хоть он и согласился, Тун Цинхэ все равно нервничал. У Цзян Шаочжи была особая профессия, а его методы были быстрыми и решительными. Очевидно, что у него уже был детальный и четкий план.

Цзян Шаочжи сказал:

— Завтра мы встречаемся с родителями, а послезавтра покупаем дом. Уже отремонтированную квартиру, которую выберешь ты. Если захочешь что-то изменить, позже найдем людей.

Это означало, что они смогут начать жить вместе менее чем через неделю после возвращения.

И еще кое-что, самое важное. Цзян Шаочжи поднял лицо Тун Цинхэ:

— Выбери время и смой грим со своего лица.

Тун Цинхэ слегка задержал дыхание, широко распахнув глаза, и увидел, как Цзян Шаочжи наклонился для поцелуя.

Поцелуй был мимолетным. Цзян Шаочжи сказал:

— Тун-Тун, я хочу увидеть твоё настоящее лицо. Очень сильно.

Его Омега помог ему пережить первое завязывание, а Цзян Шаочжи до сих пор не знал, как тот выглядит.

Тун Цинхэ быстро заморгал и, запинаясь, ответил:

— Я попрошу сестру завтра договориться и пригласить мастера, чтобы смыть грим.

Искусство создания грима — это очень древняя техника, отличающаяся от современного изменения внешности. Мастеров, в совершенстве владеющих этим искусством, можно пересчитать по пальцам. Когда-то Тун Яо нашла этого специалиста только по рекомендации и

после немалых хлопот.

Цзян Шаочжи вымыл Тун Цинхэ ноги и, подхватив, отнес его обратно в постель.

— Дядя, ты уже уходишь? — Говоря это, Тун Цинхэ потянул ногу и слегка зацепил ею опущенную руку Цзян Шаочжи, словно в игривом, дружеском заигрывании.

Цзян Шаочжи точно схватил тонкую щиколотку маленького Омеги и тщательно укрыл его одеялом.

— Время позднее, тебе нужно отдохнуть.

Время действительно было позднее. А поскольку была глубокая ночь, Тун Цинхэ смущался просить своего Альфу после того, как он надышался его феромонами, возвращаться обратно.

Цзян Шаочжи сразу разгадал мысль Тун Цинхэ и покачал головой:

— Я не могу остаться.

Тун Цинхэ спросил:

— Почему...

Легкий аромат жасмина в комнате был необычайно сладким. Цзян Шаочжи погладил своего исключительно доверяющего ему Омегу и вдруг протянул руку, переворачивая его на живот.

Тун Цинхэ лежал на подушке, и к его железе на затылке прикоснулось что-то влажное, горячее и мягкое.

Цзян Шаочжи:

— Когда я с тобой, мне ужасно хочется прокусить это место.

Тун Цинхэ дернулся, но Цзян Шаочжи придержал его.

Губы Альфы прижались к железу. Он смотрел на него с благоговением и страстью:

— Тун-Тун, я жду твоего взросления.

Примечание Автора:

В предыдущих главах я внес небольшие изменения в сеттинг, что является моей авторской вольностью, поскольку главный герой должен достичь полного совершеннолетия, прежде чем вступать в близкие отношения...

Согласно закону, совершеннолетие наступает в восемнадцать лет, что относится к большинству людей. Однако физиология Омег имеет особенности. У них есть две стадии взросления: первая — достижение восемнадцати лет (статус независимого гражданина Федерации), и вторая — через два-три месяца после восемнадцатилетия, когда наступает период созревания железы. Это знаменует полное физиологическое совершеннолетие.

Для Омег с их особой конституцией наступление зрелости железы в большей степени символизирует наступление их совершеннолетия.

Я написал об этом ранее, но если читатели не поняли, я специально объясняю это в этой главе.
Чмок. ☺(☺☺☺)☺

<http://bllate.org/book/4/76>